

Егор КУЛИКОВ

Егор Куликов родился в 1990 году в пгт Первомайск Приднестровской Молдавской Республики. Учился в РУДН на филологическом факультете (направление – журналистика). Печатался в журналах «Урал», «Дальний Восток», «Чайка» и др. Живет в Подмоскowie.

В-МЕСТЕ

Повесть

Не по Библии

Любое мало-мальски сложное дело Давид с детства представлял себе в образе Голиафа. Так было проще справляться.

Поначалу это была уборка комнаты или длинное стихотворение, что надо было выучить к утру. Ближе к окончанию школы Голиафом, как ни странно, была одноклассница Саша, с которой Давид жутко хотел пойти на свидание.

В один из не очень удачных дней Давид наградил статусом Голиафа собственное самочувствие.

Организм молодой, но вчерашний алкоголь все ещё бултыхается в теле, как остатки в бутылке. Но это ничего. Голова! Вот настоящая проблема.

С самого утра Давид ощущал подмену. Словно мозг вынули и заменили горстью гвоздей. Больших таких, не меньше сотки. И стоит шевельнуть резче нужного. Дернуться или, не дай бог, чихнуть, то гвозди не заставляли себя ждать. Они увеличивались. Втыкались в черепную коробку и даже проходили сквозь. Голова в эти моменты походила на ежа, который научился выпускать иглы, как кошки когти.

Видимо, оттого Давид и ехал в автобусе, не замечая, сколько в салоне пассажиров и какая будет остановка. Он пытался сконцентрироваться и побороть неуемного Голиафа и одновременно желал окончательно отключиться от этого мира, чтобы вовсе не сражаться.

Водитель, как опытный хищник, сразу вычислил состояние Давида. Наверное, поэтому он не пропускал ни одного ухаба. И нарочно выбирал пожестче и поглубже. В эти моменты Давид плотно зажмурился глазами. Помогало не всегда. Порой приходилось ладонями сжимать виски, чтоб не лопнули. И тонкие дужки очков исчезали в серой коже.

Невольно Давид вспомнил ещё одну проблему. Редакционное задание. Но тут же вычеркнул его, решив, что с двумя Голиафами такой величины ему не совладать. Всё надо решать по порядку.

Для начала собственное самочувствие. Остальное потом.

А пока что окна автобуса осыпал мелкий дождь. Капли короткими перебежками достигали края окна и сливались в ручеек. Нитка холодного воздуха тянулась сквозь высохший уплотнитель.

Давид склонился и почувствовал, с какой легкостью ветерок стачивает гвозди. Делает их округлее, мягче. Некоторые и вовсе исчезают.

Но это не могло продолжаться вечно.

Очередной ухаб вернул всё на свои места. Давид зажмурился. Сдавил голову и услышал хруст.

«Надеюсь, не череп», – с опаской подумал он.

– Лучше бы это был череп, – продолжил Давид шёпотом, разглядывая разваливавшиеся очки. Левая дужка лопнула у оправы.

Автобус сбавил ход. Вильнул на обочину. Гвозди шевельнулись и царапнули череп.

Давид встал и кое-как сумел покинуть автобус. Спланировал на бордюр и тут же зашёл под крышу остановки.

Пару секунд автобус пыхтел. Хлопнул дверьми и растворился жёлтым пятном в сером пейзаже осени.

Придерживая очки, Давид огляделся. Пустая двухполосная дорога. За остановкой вспаханное размокшее поле. И где-то вдалеке, там, где исчез автобус, виднеется табличка с названием села. Естественно, названия Давид не разобрал.

«Мог бы и подвезти», – вспомнил он водителя.

Состояние не улучшалось. И ждать каких-то продвижений в этой области глупо.

Решив, что стоять в промозглую погоду не лучший выбор, Давид побрёл вдоль дороги к табличке.

Каждый шаг отдавал болью. Неуёмные гвозди червями копошились в голове. Да ещё и очки надо нести в руках. Пейзаж и без этой проблемы плывёт. Размок весь от сырости и мелко сыплющегося дождя. А без очков и вовсе превратился в картину какого-то художника-минималиста, у которого не было других цветов, кроме белого и черного. Вот и получился этот замечательный пейзаж.

«Просто отвратительный пейзаж», – поправился Давид.

По пути порылся в кожаном портфеле. Зонтик найти даже не пытался. Зря вчера не собрался. А вот бутылка воды была бы кстати. Но и её не оказалось.

Так и брел он вдоль дороги, пока не очутился рядом с табличкой, где красовалась надпись «Деудино».

– Почему они не сделали остановку на этом повороте? – зло выдавил он, непонятно к кому обращаясь.

Кусок асфальта закончился метрах в двадцати. Дальнейший путь проходил по раскисшей грунтовке.

Давид посмотрел на телефоне время и тут же спрятал его во внутренний карман.

Как бы не отжали в этой глуши. Сотовый в наше время роскошь.

«Скоро обед», – недовольно подумал он. Мысль о еде вызвала лёгкий приступ тошноты. Давид остановился. Отдышался. Поднял воротник пальто и нехотя побрёл дальше.

Время перестало существовать. Только лес по левую руку. Поле по правую. И бесконечно длинная тропа.

Пальто быстро напиталось влагой и уже ощутимо давило на плечи. Ноги вымокли.

«Не заболеть бы», – подумал он, перекидывая портфель из замерзшей руки. Зря я все-таки вчера решил отпраздновать. А что, собственно, праздновали? Ну вот, даже события не помню. Да и чёрт с ним, с этим событием.

Давид снова приладил очки, надеясь увидеть конец этого нудного и промозглого пути. Но нет... деревья лениво смотрели на него свысока. Поле проглатывало его своей чёрной бездной. А проклятая дорога так и таяла в тумане.

Далёкий собачий лай оповестил о том, что в деревне есть люди.

«Это хорошо, – подумал Давид и тут же поправил себя: – Тогда почему этот лай слышен сзади?»

Невольно ускоряя шаг и так же невольно просчитывая варианты, Давид не успел опомниться, как ноги уже галопом несли его по раскисшей почве.

Кислый пейзаж рванул навстречу и заплясал.

Лужи – не лужи. Трава – не трава. Плевать!

Деревья, небо, дорога, дорога, дорога...

Лай густел и приближался. Четыре собаки легко проглядывались, если обернуться. Давид, естественно, этого не делал. Он антилопьиими шагами скакал по тропе.

Первые избы выпрыгнули из серости дождя и кадрами замелькали по сторонам. Дома, заборы, улица...

Давид не помнил, когда остановился. Точнее, сбавил ход.

По инерции двигался широким шагом, пытаясь понять, гонятся или уже отстали. Но слышал лишь собственное тяжелое дыхание.

Вместе с шагом вернулось время. Мир успокаивался и замедлялся. Адреналин выветривался из крови, прихватывая с собой обостренные чувства. Вот и зрение снова стало неважным.

Только что перед Давидом был погнутый забор с четкими штакетинами, а сейчас уже что-то смутное и темное склонилось карточным веером.

Жар после гонки начал покидать тело, уступая место холоду.

Давид почувствовал, что начал терять нить реальности и всё чаще уходит в какое-то забытье.

Появился редкий озноб. Словно кто-то хватал за грудки и несколько раз хорошо так дергал, возвращая в реальность. Странно, но гвозди при этом не скребли. Головная боль сменилась головным туманом.

Смазанная реальность водянистой жижей текла и как бы проглатывала Давида. Прибирала своими липкими щупальцами ещё одно блуждающее тело.

Озноб уже не помогал. Не вытаскивал в этот мир. А Давид и не очень хотел возвращаться. В мире туманном было куда приятней. Ни боли, ни тошноты, ни этого мерзкого пейзажа. Ни даже холода. Там спокойно и тихо. Темно, уютно и самое главное – тепло!

Не помня себя, Давид подошёл к ближайшему забору. Бросил портфель, повесил руки. Светлое пятно носилось по двору. Подбежало и начало облизывать теплым языком ладони.

«Собака», – отстраненно подумал Давид, совершенно забыв, что нечем отбиваться.

Не обращая внимания на тёплый и мокрый язык, Давид посмотрел на избу. В окне померещилось движение.

Он оторвал тяжелую руку от забора. Начал махать и на мгновение показалось, что вместо руки у него кусок рельса. Такая она неповоротливая. Закостенелая и невероятно тяжёлая. Несколько раз ему удавалось справиться с этой чужой конечностью, после чего рука перевесила. Давид повалился вдоль забора в мокрую траву.

Уже находясь в своём уютном мире забытья, Давид с сожалением подумал, что впервые в жизни Голиаф оказался сильнее.

Хворь

Сожаление о проигрыше жалкому филистимлянину протянулось с Давидом на протяжении всего времени его забытья. Он и очнулся с горьким чувством поражения.

После сожаления Давид ощутил, сколь сильно болит тело. Словно, пока он был в отключке, на нём отплясывали всей деревней.

Несколько минут он смотрел в потолок, боясь и не имея возможности пошевелиться. Затем потихоньку начал тестировать собственное тело. Как можно двигаться, чтобы гвозди не вернулись.

Тело позволило повернуть голову.

Отлично!

Давид лежал на печи и, прищурившись, разглядывал избу. Увидел пустую кровать с пышными подушками. Крепкий стол, заставленный посудой. Длинную лавку. На лавке, привалившись к стене, какой-то мешок. Бревенчатые стены обвешаны полками. А сами полки ломятся от кастрюль, банок и рабочего инструмента. Между полок какие-то светлые квадраты... скорее всего полотенца и фотографии, догадался Давид, натягивая уголки глаз.

– Проснулся-таки? – раздался девичий голос.

Давид вздрогнул. Машинально поднял тяжелое одеяло к подбородку и начал отчаянно шарить глазами по избе. Благо света хватало.

– Чего молчишь-то?

Голос молодой, отметил Давид, продолжая с прищуром разглядывать пространство.

– Проснулся, – сказал он, не прекращая поисков.

На лавке зашевелился мешок. Встал и подошёл к печи.

– Долго же тебя хворь била, – сказала девочка тонким голосом.

Давид отметил её странную одежду: длинная белая рубаха и вышитый красным узором передник. А также голова как запелёнатое в платок страусиное яйцо.

– Сколько я был в отключке? – спросил Давид.

– Третий день уж, – сказала девушка и, улыбнувшись, опустила голову: – Дров надобно бы подкинуть, – продолжила она, сдерживая смех.

Пока она «кормила» печку, Давид приподнял одеяло и обнаружил на себе белую рубаху и штаны.

«Хоть не голый», – обрадовано подумал он.

В это время девушка вернулась. Она положила руку на зеркало¹ и с наслаждением закрыла глаза. Точно нарочно это сделала, чтобы Давид разглядел её. Чем он и воспользовался.

Но что там увидишь в этом платке? Только и успел отметить овал лица, которое вот-вот, на этот или следующий год, очертится. Кожа натянется на скулах, и станет настоящим лицом девушки. Сейчас ей лет пятнадцать, определил для себя Давид.

– Это ты меня спасла? – спросил он.

Девочка открыла глаза. Оттолкнулась от печи и, отвернувшись, ответила:

– Да где же тебя, такого бугая, на печь-то вытащишь? – насмешливо сказала она и с размаху села на лавку, снова превратившись в мешок. – Бабка моя спасла тебя. Говорит, ты как призрак появился за околицей, махнул рукой да тяп мордой прямо в траву. Бабка деда позвала. Они тебя и затащили сюда. А меня тогда не было дома. Скотину кормила я. Если бы я ещё дома была, то мы бы тебя репкой прозвали. – Тон её оставался игривым и сквозил легкой насмешкой и даже издевкой. Давид смог для себя объяснить это двумя причинами. Либо она заигрывает, что вероятнее всего. Либо что-то знает. – А представляешь, мы бы ещё Жучку позвали? – она звонко и глупо усмехнулась. – И потом ещё кошку. Кстати! – мешок подпрыгнул на лавке и замер. – Мы и мышку можем у нас в избе найти. Ты был бы полный репка из сказки.

Давид тяжело выслушал монолог и искренне признался себе, что совершенно не знает, как комментировать происходящее. И стоит ли вообще комментировать это?..

На мгновение показалось, что это сон. Ну, не может же быть это правдой. Не может!

Изба какая-то музейная. Девочка как из ансамбля народных танцев сбежала. В белой рубахе. В вышитом переднике. И говорит на старый лад: певуче растягивая гласные.

– А ты писать о деревне приехал ведь? – не выдержала девочка.

– Да. Откуда знаешь?

– Бабка говаривала, – сказала она, снова коротко хихикнув. – Говаривала, что дед встретил кого-то, а тот ему сказал, что о нас в газетах писать будут. Эх, хотела бы я посмотреть на себя в газете. Я читать умею. Да-а... А вы скажете, в какой газете и мы купим. Я прочитаю.

– Обязательно скажу. И даже экземпляр отправлю. А сейчас ответь, где мои вещи. Они хоть целы?

---

¹ Зеркало – поверхность печи, отдающая тепло в дом, стенка печи. Прим. автора

– А когда газета выйдет?

– Когда ты отдашь мне вещи. Сначала я пишу, потом уезжаю отсюда, и всё. Выпускают материал. Без меня газета не выйдет. Так ты скажешь, где мои вещи?

– Сначала это дам. Дед исправил.

Мешок взлетел с лавки – и к Давиду подбежала девочка.

– Немного некрасиво, но должно ладиться.

«Дедушка поработал как следует», – подумал Давид, разглядывая очки. На одну дужку как будто надели медную катушку. Но результат всё же был. Дужка примыкала к оправе, хотя очки и потеряли возможность складываться.

– Спасибо.

Давид с наслаждением нацепил очки и тут же заново начал оглядывать избу.

Показалось, что он только сейчас по-настоящему проснулся.

– Сколько, говоришь, я тут пролежал? – как-то слишком бодро спросил он.

Девочка на мгновение задумалась.

– Трое суток, – нерешительно ответила она, опустила взгляд и беззвучно улыбнулась.

– Значит, сегодня я должен уже возвращаться со статьей. Просто отлично, съездил! Просто отлично! А тебе что так смешно!?

Девочка помотала головой. Но улыбаться не перестала.

– А как ты писать собрался, коли на ногах не стоишь?

– На меня собаки напали, пока я к вам шел.

– Нет у нас собак. Волки есть.

– Значит, волки напали, – равнодушно сказал Давид. – Ты мне вещи дашь? Есть тут кто-то взрослый?

Давид заметил, что девочку смутил этот вопрос.

– А зачем тебе взрослые? – сказала она, убрав эту глупую улыбку.

– Чтобы поговорить. Надо как-то выбираться отсюда.

– Ну, дорогу обратно ты найдёшь. У нас тут одна тропа, – девочка встала, глубоко вдохнула и продолжила: – Ладно, там твои вещи, – ткнула она пальцем в ноги Давида. – Я больше не могу, – снова эта глупая улыбка засветилась на лице.

На удивление Давида, девочка начала спешно раздеваться. Одним движением стянула платок. Развязала передник и перекинула через голову. Отбросила. Ухватила рубаху на спине и, работая всем телом, выползала, как змея из старой кожи.

Давид не успел ничего спросить, а девочка уже стояла перед ним в обычных синих джинсах и черной водолазке.

– Жарко во всём этом. Я тут с самого утра наряженной сидела. Но оно того стоило. Ты бы видел себя со стороны! – сказала она совершенно другим голосом. – Не переживай так. Ты у нас только одну ночь валяешься. Вчера тебя подобрали, – она уселась на лавку, потрясла головой, и чёрные волосы каре легли как надо. – А то что тебя бабка с дедом на печь втаскивали, это я не соврала. Это правда.

– То есть...

– Да-да. Ты не оказался в девятнадцатом веке. Я просто хотела тебя немного разыграть. И ведь получилось! – залилась она хохотом. – И да... нет у нас волков. Это ты от собак убежал.

– А где я? – спросил Давид, до конца не определившись, злится он или ему так же весело, как этой...

– В избе дедовой. Я тоже тут сплю, когда приезжаю. Ты, кстати, на моём месте лежишь. Уступили тебе печку, как больному. Одевайся, если сможешь, я пойду, скажу, что ты очнулся.

Девушка – да, сейчас она показалась Давиду именно девушкой, даже несмотря на подростковую припухлость лица и тонкий голос, – вышла.

Давид оделся. Спрыгнул с печи.

Он чувствовал легкую усталость и жидкий туман в голове. Но туман куда лучше вчерашних гвоздей.

Спустя пару минут пришла бабка. С её появлением ожила и изба. Ложки, чашки, горшки запрыгали в её руках. Двигалась она быстро. На Давида совершенно не обращала внимания. А всё причитала на деда:

– Опять все переставил по чужим местам... – это она ухват искала. – Куда он дел половник? Старый бес со своими порядками. Хоть не появляйся в его владениях. Сходи, кликни деда, а то опять всё остынет, – обратилась она к внучке.

Спустя ещё пару минут в дверях показался дед. С лёгким прищуром он оглядел избу. Чуть дольше задержал взгляд на Давиде. Несколько раз провёл рукой по бороде и, шаркая сапогами, прошёл к столу.

– Чем богаты! – сказала бабка, усаживая Давида. – Вы уже познакомились? – скосилась она на внучку.

– Ага, – ответила та.

– Молодцы. Шустрая она у нас. Невеста уже, – подмигнула бабка. – А это дед Фёдор Николаевич. Я Надежда Павловна.

Обедали молча всей «семьей». Давид стеснительно уплетал борщ, удивляясь, с какой скоростью исчезает еда. Даже добавки захотелось. Бабка считала его желания и, не спрашивая, отняла тарелку и налила.

– Ешь. Тебе силы нужны. Ты вон какой бугай.

За дальнейшими разговорами Давид узнал, что в деревне с десятков жилых домов. Остальные брошены.

Дед и бабка живут в соседнем доме, а эту избу дед всегда придерживает для внучки. И содержит её в таком странном виде, словно время здесь замерло.

– Похоже на музей, – сказал Давид.

– Есть такое, – с нескрываемым наслаждением отметил дед. – Я тут всё в порядке держу. А внучка, когда приезжает, то я как натоплю печь. Как раскочегарю. Аж самому неохота отсюда уходить.

– И не уходил бы! – буркнула бабка.

– Сегодня вечером ещё баньку натоплю, – не обращая внимания, продолжал дед: – Чаю с мёдом заварю. Мёд тут у нас свой. Я пасеку держу. Сейчас пчёлы уже спят, а то я б тебе показал. Двадцать три семьи у меня! – с гордостью заключил дед; не выдержал и повторил: – Двадцать три!

Вечером дед, как и обещал, растопил баню. Выгнал из Давида всю хворь. Отпоил чаем с мёдом. А после закрепили самогонкой.

– Мягкая какая, – удивился Давид.

– Тоже мой продукт, – подчеркнул дед. – Но, как бы ни хотелось, а много нельзя. Тебе ещё писать, а мне ещё работать завтра. Свежая голова нужна.

Давида разместили в той же избе.

– Выселил ты меня? – сказала девушка перед сном. – Ладно, спокойной ночи.

– Стой! Как тебя зовут-то? – больше ради приличия спросил Давид.

Девушка опустила взгляд и тихонько произнесла:

– Евфросиния.

– Ага, а меня Евстафий, – улыбнулся Давид.

– Вообще-то это правда, – с неким вызовом сказала Евфросиния. – Меня так в честь прабабки назвали. Но... я сама не очень люблю это имя. Так что прошу называть меня Ксения.

– Ксения так Ксения.

– У тебя у самого имя странное.

– Царское, – уточнил Давид, чувствуя, что разговор злит Фросю.

– Спокойной ночи, ваше величество!

Дверь хлопнула. Чашки звякнули. И только и осталось из звуков, что треск дров да осенний ветер.

На следующий день дед Фёдор устроил экскурсию. Познакомил с соседями. Поводил среди брошенных домов. И к каждому дому у него находилось в памяти не менее десятка историй. Про тех людей, кто здесь жил. Кто чем славился. Кто с чьей женой водился. Кто уехал... кто спился... кто повесился.

– А сейчас-то вы чем живете? – спросил Давид.

– Прошлым, – философски ответил дед.

– Ну, прошлым... а зарабатываете где? Из прошлого деньги не вытащишь. Да и не ходят те купюры лет как пятнадцать.

– Я медком приторговываю. Пенсия есть. Ну и так... огород свой. Животина разная. Корову жалко – пришлось под нож пустить. Хорошая была стерва. По ведру молока за удой давала. Пойдём... дождь начинается.

Последний день выдался не по-осеннему светлым и тёплым. В таком ракурсе пустые дома приобрели странную нотку праздничного настроения. Словно они были счастливы здесь умирать.

Давиду даже представилось, как избы исчезают в вязкой почве. Врастают в землю. Тонут. И только печные трубы выглядывают из-под земли, прощаясь. Мол, всё хорошо. Мы вынуждены пожертвовать собой ради вас.

Давид удивился своему лирическому настроению и побрёл в ставшую родной избу.

Этим же вечером дед Фёдор созрел для того, на что Давид давно облизывался. На столе вместе с кастрюлей наваристого супа, ломтями сала и тёплым домашним хлебом высилась вспотевшая бутылка.

– Теперь будем хворь из тебя иным способом выколачивать! – сказал дед и ухватил себя за бороду.

Весь вечер они колотили хворь. Топили её в бутылки. Гонялись за ней по избе. Искали в печи. Лазали в подпол. Улизнула она в погреб и затаилась в бочке. Тогда они окунали туда руку, хватили лохмотья капусты и совали себе в рот.

– Смотри, и у меня есть борода! – воскликнул Давид, приложив капусту к подбородку.

– Вот где борода! Вот! – кричал дед, зажав бороду в кулак, как свекольную ботву. Того и гляди сейчас выдернет челюсть.

После были праздные шатания по деревне. Песни скучающим домам.

Фрося ходила за ними. Звонко посмеивалась. Окликнула их из темноты.

– Хворь-то в бане спряталась! – сказала она, и два мутных силуэта, не прервав песни, тут же припали на след хвори.

– Сейчас мы её выкурим! – бормотал дед, загребая дрова.

Баню затопить не удалось. Бабка не позволила.

– Иди спать! – рычала она. – Заиграла в нём молодость.

– Тама хворь! – огрызался дед, тыкая сухим пальцем в баню. – Тама!

– Завтра тебе будет весь день хворь.

Деда Фёдора увели. А какое без деда веселье?

Давид некоторое время пошатался по деревне. Безлюдно. Скучно.

Приметил на крыльце кого-то и, не раздумывая, привалился рядом.

– Ну что, изловили хворь? – спросила Фрося. По голосу было понятно, что она улыбается.

– Улизнула, гадина, – поддержал игривый тон Давид.

– Может быть, её и не было?

– Ну... скажешь тоже, не было. Если бы её не было, не гонялись бы мы за ней с твоим дедом. А он... он хороший человек, – улыбнулся Давид.

Странно, но ему было приятно ощущать себя в этом месте. Пожалуй, впервые он почувствовал деревенскую романтику. Некую жилку. Некую нотку, которая зовёт всех, кто когда-то покинул деревню. И кто воспевает её в своих рассказах, текстах, песнях.

А может, это самогон кружит голову? Шумит в ушах. Переливается вместе с недавними песнями. Оттого и приятно сидеть тут на крыльце. Рядом с Фросей.

– Кстати, зря ты стесняешься своего имени. Оно очень красивое. Ев-фро-синия, – пропел Давид, размахивая рукой, как дирижер.

– Ага, просто превосходное. Особенно Фрося.

– И Фрося звучит.

– Разве что для поросёнка.

– Мне тоже моё имя не всегда нравилось. Вокруг Димы, Юры, Сани, Максы, и тут вдруг я со своим влезаю. Давид! А потом как-то притёрся. Привык. Может, и ты привыкнешь.

– За двадцать лет не привыкла, и вряд ли получится.

– Двадцать лет?.. – поперхнулся Давид. – Никогда бы не подумал. Пятнадцать максимум.

Фрося только улыбнулась. Изогнула брови, дескать, вот как у нас в деревне молодость сохраняется.

– Ты родилась здесь? – спросил Давид, после короткого молчания.

– И родилась, и жила. И в школе училась. Сначала в нашей, а потом ездить в соседнее село пришлось. Одиннадцатый уже в городе заканчивала. Родители настояли.

– Так ты коренная деревенская зазноба?

– Не разбрасывался бы ты словами, значения которых не знаешь. Тоже мне, рубаха-парень! – ткнула она острым кулаком Давида в плечо. – Лезь на свою печь. Мне тоже спать пора.

Фрося встала. Улыбнулась.

Давид отчаянно не желал расставаться. После беготни за хворью тело просило продолжения. На худой конец, хоть разговора по душам. Вот только пошло дело с Фросей, а она спать захотела. Окажись сейчас перед Давидом корова, он бы и с ней повел длинные беседы за жизнь. Но корову, как известно, пустили под нож.

Минут пять сидел на крыльце. Смотрел на звезды. Яркие они здесь! Нюхал влажную ночь. Дышал паром.

Встал. И сразу ощутил, что ноги не держат. Все-таки бабке надо было раньше гнать их. Ещё когда в подпол полезли.

Давид взобрался на печь. Укутался в ватное одеяло и растворился в тепле.

Утро выдалось муторным. Как бы дед ни нахваливал свой продукт, а голова всё же гудит. Особенно по глазам бьёт. Будто подняли веки и горсть песка под каждое засыпали.

– Пей, – сказала Фрося и сунула стакан с мутной жижей.

– Это что?

– Это твоё спасение! Пей.

Давид презрительно осмотрел «спасение». Оно напоминало застоялый огуречный рассол. Разве что серой плёнки не хватает.

В несколько глотков опрокинул стакан. Выдохнул и затрясся, как собака.

– Ну и гадость!

– Не хуже вчерашней, – забрала стакан Фрося. – Собирайся, а то на автобус опоздаешь. Бабка настояла, чтоб я тебя провела.

– Я сам дойду! – запротивился Давид.

– А если собаки?

– Собаки... – с опаской вспомнил он. – А ты мне чем поможешь? – спросил он и наткнулся на презрительный взгляд Фроси из-под чёлки.

– Я вообще-то тут всю жизнь прожила.

– Ну, если настаиваешь.
– Бабка настаивает, – строго поправила Фрося.
К середине пути Давид ощутил небывалую легкость.
– Ты что мне дала?
– Снадобье, – улыбнулась Фрося. – Не бойся, я в медицинском учусь. Знаю, что к чему.
– Оно заметно, – сказал повеселевший Давид.
Прощание получилось каким-то скомканным и сухим. Давид поблагодарил Фросю. Хотел обнять, но она отстранила его.
– Не надо этого.
– Понимаю... деревенские нравы.
– Называй это как хочешь.
– Телефон-то хоть дай. Статья выйдет, я сообщу.
– Нет у меня телефона. А если понадобится, дорогу в место ты знаешь.
Давид заметил, что и Фрося ведёт себя сдержанно и стеснительно. Хочет казаться настоящей деревенской барышней. Неприступной. Бойкой. Сильной. А всё же обычная девичья нежность рвётся из неё.
– Ладно, пойду я, – сказала она. – Пока, ваше величество.
– И тебе пока, Ев-фро-синия.

Зазноба

Статья пришлась главному редактору по вкусу. Он даже прилюдно на планерке смаковал некоторые отрывки.

– Обратите внимание, как Давид точно отобразил деревенский быт, – размахивал руками Борис Борисович. – А музей в вымирающей деревне – это вообще находка века. Кто его содержит? Зачем? А самое главное, для кого он, если там пять стариков живут. Вот где ценный материал. Вот где самоотверженность русской деревни. Её нрав и быт.

Позже Давид понял причины столь лестного отзыва.

– Ты отлично справился, – сказал Борис Борисович у себя в кабинете. – Нам надо ещё подобного материала.

Давид испуганно покачал головой.

– С меня хватит такой работёнки, Борис Борисыч. Я лучше на всякие расчленёнки вместе с ментами поеду, чем ещё раз окажусь в деревне.

– Это не моя прихоть. Приказ поступил оттуда, – и Борис Борисович украдкой посмотрел вверх, словно сам господь бог руководит этим проектом.

– Пусть вон Женька поедет. Или Серёга. Или ещё лучше... Юля! Она умеет чувствовать село. И ей интересно будет. Она сама с деревни.

– А ты чего так противишься-то?

– Не моё это, – угрюмо ответил Давид. – Туалет на улице. Грязь повсюду. Навозом прёт, как в коровнике. Нет, не моё. Я даже уволиться готов.

– Ну, чего ты сразу с козырей ходишь. Подумаем. Решим.

Давид отстоял право работать в городе. Чем был вполне доволен. После того как он поделился с коллегами деревенскими похождениями, к нему тут же прилипло временное прозвище – Собачих.

– Что за Собачих? – недоумевал он.

– Глянь «Бумер» и всё поймешь, – улыбнулся Серёга и похлопал по плечу.

А кто-то сзади поддержал и на всю редакцию заорал:

– Димоон! Димоон!

После фильма Давиду стало понятно, почему на всех мобильниках стоит эта странная пищащая мелодия. Понял, удивился, но себе всё же установил.

И в тот же день потерял телефон. Жалеть долго не пришлось. Благо подоспел Новый год, и родители преподнесли Давиду новый. Давид же ограничился устными поздравлениями.

Сразу после нового года друзья решили отпраздновать свадьбу. Погуляли хорошо. Разве что кто в здравом уме празднует свадьбы зимой? Если только по залёту. Но там ничего такого не было. Вроде бы...

Затем ещё одна свадьба. И ещё.

И так восемь свадеб за два года.

На пяти из них Давид поймал подвязку невесты. Точнее, как поймал? Она сама летела в руки.

Давид участвовал в этом конкурсе больше для массовки. Стоял в задних рядах. Скучал.

И каким-то магическим образом эти проклятые подвязки перелетали забор рук и падали точно Давиду в открытые ладони. А иногда казалось, что ими кто-то управляет. Ну не может же такое быть, честно слово. Эта подвязка петляла, как мяч старика Хоттабыча.

Давид не верил в глупые приметы. Больше того, он был рад развеять этот миф. Но, как бы там ни было, верные товарищи по вечеринкам исчезали из его жизни. Вот уже и в клуб сходить не с кем.

Если раньше, после очередной тусовки, он мог легко блуждать по своему району в приподнятом настроении и всегда знал, что может зайти по меньшей мере к четырём или пяти товарищам. Неважно, в какое время и в каком состоянии. Сейчас он с ужасом понимал, что таких людей не осталось. С этим осознанием к нему пришёл не страх. Нет! Скорее, лёгкое непонимание. Жизнь менялась слишком стремительно.

А дальше что?

«Они все семейные. По домам сидят. А я что... – размышлял Давид. – Мне что дальше делать? Куда идти? А вот сюда и зайду», – последовал он своей мысли и нырнул в магазин.

И снова была осень. Только на этот раз поздняя. Снег уже успел раз пятнадцать выпасть и раз четырнадцать растаять. По обочинам бордюров из-под грязи иногда проглядывает белый налёт зимы.

Оказалось, что он неверно рассчитал свои возможности, и всё спиртное тем же вечером закончилось. Вопрос плёвый. На соседней улице круглосуточный магазин. Там всегда торгуют, несмотря на запрет.

Давид подивился количеству людей на улице в такой час. Время было около полуночи.

Перевернутый город отражался в грязных лужах обилием фонарей и зажжённых окон. Свет прилипал к прохожим.

Давид чувствовал шум в голове, но в то же время уверял себя, что всё под контролем. Его не штормит... ладно, пошатывает слегка. Но в пределах разумного. Идти можно.

И он шёл.

Руки в карманах. На голове капюшон. Жаль плеер забыл. Под музыку оно всегда веселее.

Давид подмигнул знакомой продавщице. Хотелось сказать: «Мне как обычно». Но он и сам не определился с выбором.

Взял то, на что упал взгляд. И с этим чем-то в черном пакете пошёл обратно.

«Теперь-то руки в карманы не спрячешь», – с сожалением подумал Давид, перебрасывая пакет из одной руки в другую. Холодно, блин. Ещё и ветер этот...

Он перепрыгнул лужу и угодил ногой в тот самый, притаившийся снег. Подошва скользнула. Давид успел взмахнуть руками. И последнее, что ему довелось увидеть, это черный пакет, взлетающий в мутное небо. А следом и свои ноги, летящие туда же.

Очнулся он спустя час или даже два.

Несколько секунд он тяжело ворочал воспаленными глазами, совершенно не понимая, что происходит. Мутное небо с блёклыми пятнами огней. Странная тишина. И ужасный холод. Да, жуткий холод.

Давида знобило. Трясло, как двигатель старого «москвича».

Он приподнялся. Вся спина мокрая. Ну, конечно, валялся тут в луже. И голова... боль пульсацией разрезала мозг на две равные половинки.

Увидел пакет. Дотянулся.

– Наивный, – зло прошептал Давид.

Три бутылки всмятку. А ещё двух нет. Дернули уже.

Возвращаясь, Давид проклинал это место. Сколько здесь прошло людей? Не меньше сотни. И хоть бы одна гадина остановилась.

Выпил я слегка, и что с того? С кем не бывает. Вот, поскользнулся, упал, очнулся – гипс.

Из-за угла показалась собачья тень.

– Не до тебя сейчас, – оскалился Давид.

Только утром, окончательно отогревшись под двумя одеялами, он ощутил боль в плече. Да не просто боль. Туда словно спицу вгоняли.

Видимо, вчера холод сделал ему амнезию. Или эту работу выполнило спиртное?

Неважно. Важно лишь то, что он рукой двинуть не может.

Пришлось идти в поликлинику.

Поликлиника показалась Давиду местом страшным. Увечные и жалкие люди, сгорбившись, сидели вдоль стен. Они кашляли. Чихали. Двигались сонно, будто под гипнозом. Но стоило Давиду сделать что-то не так, то все эти полуживые существа мгновенно набрасывались с озверением и проворностью тигра.

– В очередь ставай?! Куда прешь? Сначала в регистратуру, а потом в кабинет. Мне тоже надо только спросить, но я тут уже часа три сижу.

И всё в таком духе.

Правда, надо отметить, что во всей этой толпе обезумевших иногда звучал здравый смысл одного-двух голосов.

– У него срочный! Разве не видите. Ему в травмпункт надо.

Рентген. Трещина плечевой кости. Гипс. И бандаж, чтоб рука лишний раз не ёрзала.

Старенькому доктору помогала медсестра в маске. Было заметно, как трепетно она относится к своей работе. С каким-то пафосом в движениях. С сомнениями. Правильно ли сделала? То ли дала?

Когда рука стала каменной и плотно прилегла к телу, медсестра склонилась к волосатому уху доктора и что-то шепнула. Старичок выслушал, посмотрел на Давида, ухмыльнулся и вышел.

– Доколе это будет продолжаться? – сказала медсестра.

– Что вы имеете в виду? – мгновенно спросил Давид и секунду спустя начал подозревать что-то неладное.

– Доколе хворь твою лечить буду? – она спустила маску на подбородок.

– Ты?! – воскликнул Давид и слегка подпрыгнул на стуле.

Боль тут же усадила его на место.

– Как ты здесь?

– Тебя опять хворь била?

– Ну, всё, хватит тут архаику включать. В этот раз у тебя не получится меня развести.

«А Фрося-то повзрослела», – отметил про себя Давид. Как и ожидалось. Подростковая припухлость лица исчезла. Взгляд стал разумнее, а фигура... фигура явно стала лучше. Неизменными остались лишь тонкий, почти детский голос и чёрные волосы каре.

Они разговаривали как два старых друга, потерявшие связь в глубоком детстве. Почему-то Давиду было до невозможности приятно встретить Фросю. Говорить с ней. Вспоминать деревню. Кстати, сейчас, когда память подтёрла лишнее, деревня не казалась ему отвратительным местом.

– Как там твои дед с бабкой?

– Живут, – отвечала Фрося.

У неё зазвонил телефон. Она подняла трубку, быстро поговорила.

– Ну, теперь-то ты дашь мне свой номер?

– Сразу после экземпляра газеты, – не мешкая ответила Фрося.

– Ах, экземпляр, – задумчиво сказал Давид. – Я же не отправил, да?

Фрося покачала головой.

– Надеюсь, в редакции сохранился. Я поищу. Обещаю.

– Обещаешь? – подозрительно спросила Фрося.

– Да!

– Ладно, тогда записывай.

Давид судорожно дёрнулся в карман, и снова боль дала понять, чтобы он не делал резких движений.

– Сейчас... сейчас... – ковырялся он левой рукой в правом кармане.

Фрося смотрела на его неуклюжие порывы и смеялась.

Возвращаясь из поликлиники, Давид боготворил это место. Он и сам не знал, отчего так весело на душе. Вчера он едва не околел. Едва не расшиб себе голову. Руку сломал. Да и весь предыдущий год провёл в какой-то вязкой тоске. А тут, вдруг, слякоть стала не такой противной. И квартирка не такой маленькой.

Отношения с Евфросинией начали выстраиваться сами по себе. Плавно и едва заметно.

Вот они вместе сходили в кафе. Вот они шлют друг другу смс. А чтобы лечь спать и не пожелать хороших снов, просто невозможно.

А вот уже Давид невольно задумывается о том, как бы подступиться к ней. Времени-то вон сколько прошло... на дворе уже весна горит. А Фрося всё ведёт себя как святая.

Решил тогда для себя Давид, что пришло время возродить Голиафа. И в этот раз отдал ему самую сложную роль. Роль чести Евфросинии.

Один раз Давид всеми уговорами, предложениями и даже мольбой оставил Фросю ночевать.

– Ну, куда тебе идти? И зачем? Тут ты переночуешь и пойдёшь к своим увечным людям. Поликлиника в десяти минутах. А с общаги тебе сколько ехать?

– Час, – отвечала Фрося, собираясь.

– Хоть выспишься.

– А спать мне где?

– На кровати! Я на пол лягу. Мне после печи не привыкать.

Фрося замедлила движения. Уже не так быстро и не так плотно обматывалась шарфом. Давид рассчитал, что стоит ещё немного нажать, и она сдастся. Расчёты оказались верны.

«Можно сказать, что великан повержен. Лежит с разmozжённой головой. И совсем скоро меч закончит своё дело», – с ухмылкой размышлял Давид.

Он приглушил свет. Включил музыку. Налил в бокалы вина. Зажёг пыльные свечи и включил «Титаник».

«Ну, не каменное же у неё сердце», – подумал он под романтическое завывание Селин Дион.

«Нет, у неё не каменное сердце, – заключил Давид, когда фильм закончился. – У неё чертова ледяная глыба меж ребер».

Он обнимал Фросю. Он целовал Фросю. Он лежал с Фросей. А спать всё равно отправился на пол.

К сожалению, когда он говорил про кровать и пол, совершенно не рассчитывал, что ему действительно предстоит спать на полу. Однако – пришлось. В ворохе каких-то пледов и зимних вещей.

Паршивая ночь.

Отвратительная ночь.

Но хуже того, что Давид, дабы не потерять свою честь, растрепал друзьям, что Фрося-то... свою честь уже потеряла.

– И что ты обижаешься? – спросила однажды Фрося. – Сам когда-то назвал меня деревенской зазнобой. Такая я и есть.

– Странная ты. На дворе двадцать первый век.

– А у нас в деревне время медленно течёт.

И вновь началось великое противостояние Давида и Голиафа.

В какой-то момент Давид решил, что такого Голиафа ему не одолеть. Точнее одолеть, но только через смирение.

Смирился...

Дождлся хорошей майской погоды. Вывез Фросю из Рязани в Москву и там, в столице, решил сделать предложение.

В его воображении всё было просчитано до мелочей.

Тёплый, почти летний вечер. Ночные огни города. Люди...

По сути, так оно и вышло, если бы не одно «но». И этим «но» оказалась авария в Чагино.

Половина города погрузилась во тьму. И увидели они Москву такой, какой её сами москвичи ни разу не наблюдали. Тёмной. Мрачной. И даже немного страшной.

Но отступать было некуда.

Посреди этой ночи Давид встал на колени и произнёс:

– Ты выйдешь за меня, зазноба?

Фрося согласилась.

Она тогда произнесла длинную речь. Как по бумажке читала. Что замужество для неё не просто штамп в паспорте. Для неё это выбор, с которым она решает продолжить свою жизнь. Выбор, ради которого она готова пожертвовать всем, что у неё есть. И с которым они будут идти вместе. Всегда.

В ответ Давид сказал что-то подобное. Но не так красиво и пафосно.

Свадьбу отыграли весело. Как нормальные люди – в начале осени.

После свадьбы Давид радовался. И непонятно, чему больше. То ли тому, что Фрося теперь его жена. То ли тому, что его личный враг Голиаф наконец-то вновь повержен, то ли что не придётся ловить эти проклятые подвязки.

Экземпляр

Мать Давида, Жанна Анатольевна, невлюбила Фросю ещё на стадии знакомства. Она всячески отговаривала сына поступать так скоро и необдуманно.

– Это что такое? – сказала она Давиду сразу после знакомства.

– Это Фрося, – глупо улыбаясь, отвечал тот.

– Откуда она? Почему она такая? И почему вообще она? Вокруг тебя мало приличных девушек крутится? Если так, то я тебе подберу.

– Не всё так плохо.

Спустя год совместной жизни Давид понял, что в какой-то мере ошибался. И в какой-то мере мать была права. Иллюзии счастливой супружеской жизни таяли с каждым новым днём.

– Они сторонятся меня, – жаловалась Фрося.

– Родители?

– Твои родители меня вообще не воспринимают. Я про твоих друзей. Когда мы с девочками остаёмся одни, то... меня словно выталкивают из круга.

Позже Давид заметил несколько причин изгнания.

Сидели они большой компанией в ресторане и, когда официанты поспешно меняли блюда, Фрося возьми да смети со стола крошки себе в руку.

Да и ела Фрося как-то неправильно, что ли...

И как я раньше не замечал в ней такой некультурности. Невежественности. Такой простоты.

Давид пытался объяснить Фросе некоторые нюансы городской и светской жизни.

Фрося выслушивала упрёки молча и слегка обиженно.

– Что же мне, в грязи есть? – непонимающе спрашивала она.

– Нет! Ты можешь подозвать официантов, и они уберут.

– Я сама могу убрать.

– Фрося!

– Я поняла, – быстро соглашалась она, видя, как воспламеняется Давид.

Следующим открытием для Давида стал стиль Фроси... точнее, полное его отсутствие. Если жёны его друзей одевались так, что, взглянув однажды, тебе безумно их хотелось, то Фрося одевалась так, что взглянув на неё, не сразу становилось понятно, кто перед тобой стоит – девушка, женоподобный парень или вовсе школьница.

– Тебе бы образование высшее получить, а то колледж совсем несерьёзно, – как бы невзначай говорил Давид. – Работаешь со своими увечными.

– Мне нравится.

– В офис какой-то устроиться, – продолжал он, не слушая жену, – общаться с нормальными людьми начнёшь. А то весь твой круг – противные бабки и всякие странные личности. Нормальные люди в поликлинику не ходят. Они в частных клиниках лечатся.

Давид заметил, что Фрося что-то хотела ответить, но заставила себя замолчать.

– Говори, чего хотела.

– Ничего.

Давид начал копить эти придиришки. Некоторые замечал сам. На некоторые указывала мать, и при этом не забывала напомнить:

– Эх, Давидушка, против воли родителей пошёл. Как оставим тебя без наследства, будешь знать, – шутила Жанна Анатольевна. Давид же за этой шуткой слышал правду.

Он и сам начал замечать, что Фрося раздражает его всё больше и больше.

Явный и самый сильный признак проявился, когда после рабочего дня Давид не хотел возвращаться домой. Его угнетала обстановка. Давили стены. Фрося своим молчаливым взглядом съедала.

Единственно, что нравилось Давиду, это покорность Фроси и её умение управляться с домашними делами. В этом деле, конечно же, не было никаких пререканий.

«Хотя... – думал Давид, – она и раздражает тем, что никак не перечит. Крикнула бы разочек, что ли. Или на дыбы встала. А то выслушает всё с этим виноватым видом и соглашается».

И сдался ему этот Голиаф. Он и на Фросю начал поглядывать как на настоящего Голиафа. Пусть она и хрупкая девушка, но внутренне она явно повыше да побольше того филистимлянина.

Давид с радостью задерживался на работе. С радостью отзывался на любые предложения и попойки. Несколько раз звал Фросю.

– Не хочу я к ним. Опять будут меня игнорировать и сторониться. Я лучше дома посижу.

Так она и сидела дома, пока Давид ходил по гостям. Возвращался он утром, а порой и вовсе не возвращался по несколько дней. Дальше запои стали чаще и дольше. Один раз за полгода исчезнуть на неделю-другую стало нормой для их семьи. Но не

нормой для работы Давида. Карьера журналиста не пошла. Благо – отец пришёл на выручку. Привёл в свой бизнес. Дал руководящую должность. И на многое закрывал глаза.

Давид же, чувствуя безнаказанность, продолжал кататься в недельные «командировки».

Возвращался он домой всегда грустный и раздражённый. Брал с собой пол-литра. Ставил у кровати. Принимал душ. Выпивал почти залпом и ложился так, словно умирать собирался. Взгляд в потолок. Руки на груди крестиком.

И всегда после сна, с тяжёлой головой, Давид шарил рукой по полу, находил заветный стакан и жадно лакал это странное мутное варево с не менее странным вкусом рассола, чеснока и корицы.

Глотал через силу, потому как знал, что снадобье и похмелье не уживаются в одном теле.

Так и спасала его Фрося почти семь лет.

– Разводись, – уже не просто говорила, а раздраженно настаивала Жанна Анатольевна. – Разводись, Давидушка. Пропадёшь ты с ней. Свою жизнь не жалко, так нас пожалей. Она ведь и терпит тебя только потому, что за душой ничего нет. Разводись, пока детей не нажили. А ведь пора бы уже. Чего ты привязался к ней? Я же вижу, что это не жизнь. Ты ещё молод. Найди себе нормальную жену. После нас тебе достанется отцовский бизнес. Не хочется, чтобы ты его вот так спустил... как спускаешь свою жизнь.

Давид молча выслушивал и виновато кивал.

«С кем поведёшься, от того и наберёшься», – подметил он.

Да он и сам понимал, что жизнь катится в пропасть. И живёт он от «командировки» до «командировки». Оставшееся время – существует.

– Может, мы того, разведёмся? – буднично и просто спросил Давид.

Фрося испуганно посмотрела и снова затянула свою мантру верности.

– Если тебе тяжело, это не значит, что нам надо расставаться. Мы поклялись друг другу. Мы должны держаться вместе. Как сказано: и в радости, и в горе.

Давид только рукой махнул.

– Опять эта клятва, – разгорался он. – Для тебя она что-то значит. Для меня – нет. Сама же видишь, что это не жизнь. Мы как будто отдельно живём уже лет... сколько пять, десять?

– Достаточно, – коротко ответила Фрося.

– Вот тебе и ответ, – сказал Давид, чувствуя напряжение в груди. Хотел было остановиться, но не сдержался: – И правда, чего ты привязалась ко мне? Я тебе сотню упрёков могу в день выдать, а ты всё молча слушаешь. Терпишь. Разве у тебя нет какого-то собственного достоинства, что ли? Я о тебя почти ноги вытираю, – вконец разошёлся Давид. – Разве что не бью. Или надо начать бить? Как у вас там заведено. А хотя... начну бить, ты будешь говорить, что бьёт – значит любит. Какая-то ты... какая-то... – Давид долго подбирал слово, наматывая рукой круги: – ненастоящая, неживая. Я тебя душить буду, ты даже пальцем не пошевелишь, чтоб спастись. Ну, чего молчишь? Опять нос повесила. С тобой даже поговорить нормально нельзя, – пошёл Давид на новый виток эмоций: – Я из-за тебя всё потерял! Всё! Друзья, родные. Даже родители против меня настроены. Да ответь ты хоть что-нибудь! – умоляюще, с надрывом завопил он.

Фрося помолчала. Выждала, когда пламя спадёт.

– Мы всё стерпим, Давид. Вместе.

– Ничего мы не стерпим! Стерпится – слюбится, так, что ли? Сколько лет уже терпится, да всё никак не полюбится. Достала! – Давид размахнулся и ударил.

В стену.

И эта ссора стерпелась.

Развода всё не было. Фрося отчаянно сопротивлялась. Цеплялась за любую возможность оттянуть время. Увильнуть от разговора. Даже на прямые вопросы отвечала уклончиво.

Последней каплей для Давида стала смерть отца.

Теперь придётся в спешном порядке брать управление в свои руки. По крайней мере, так думал Давид.

– Не дам, – сказала Жанна Анатольевна. – Сама справлюсь. Облапошит тебя твоя... Вот увидишь, только возьмёшь всё в руки, она сразу на развод подаст. Сама! И половина состояния тью-тью. А это вся жизнь твоего отца.

Пришлось Давиду ставить вопрос ребром.

– Хочешь, оставайся в квартире. Даже себе её оставляй. Не знаю... делай, что хочешь. Взрослая уже.

– Справлюсь, – как всегда спокойно и покорно отвечала Фрося.

Смерть отца отрезвила Давида. Он завязал с длительными «командировками». Но «отгулами» пользоваться продолжил.

Жанна Анатольевна, сразу после развода, назначила его генеральным директором. В собственность передавать не торопилась.

Давид быстро влился в ведение бизнеса. Всё-таки генетически передалось не только слабость к алкоголю, но и умение командовать людьми. Получалось неплохо. По крайней мере, прибыль росла. Бизнес ширился.

Жанна Анатольевна, глядя на сына, забывала о смерти супруга. А когда Давид познакомил её со своей новой возлюбленной, она едва не поставила заветную подпись на дарственной.

За пару лет жизнь перестала изгибаться спиралью и плавно вышла на прямую. Всё было хорошо. В делах. В любви. В общем...

Но по утрам, после редких и крайне насыщенных банкетов, Давид по старинке шарил рукой по полу, в надежде найти снадобье. А там вместо спасительного отвара стояла обычная минералка. Чаще всего вовсе ничего не было. Даже стакана сырой воды из-под крана.

И в тяжелые моменты работы. Когда нагрянули санкции. Когда доллар начал дикий танец на углях, подскакивая всё выше и выше, Давиду не хватало этого стеснительного, робкого, но всё-таки спасительного: «Мы справимся. Вместе».

Он начал замечать, что всё чаще думает о Фросе. Как она там? Одна или уже с кем-то? Да и где, собственно, она? Квартиру не приняла. Ну, это было очевидно. Позвонить, что ли? Хоть так, по-дружески. Поинтересоваться.

Позвонил.

Абонент не абонент.

Прошерстил соцсети. Пусто. Даже в поликлинику пришёл. Поцапался с несколькими увечными, но добился встречи с заведующей.

Уволилась.

А где теперь?

Неизвестно.

«Вот и канул человек в пропасть. Да какой человек!» – с восхищением думал Давид, стыдясь самого себя.

Долго он носил в себе эту мысль. Грел её где-то внутри. Вынашивал. И всё никак не решался.

В один из вечеров, когда он делал очередную ревизию вещей на выброс, наткнулся на очки. Те самые, с перемотанной дужкой. Осмотрел их. Покрутил.

«На мою ряху вряд ли налезут, – подумал он. – Да и линзы, должно быть, уже не те».

Однако надел. И увидел. Показалось, что он только сейчас по-настоящему проснулся.

Собрался, прыгнул в машину и поехал по давно забытой дороге. А после шёл по той самой тропе. Правда, в этот раз никаких гвоздей в голове не было. Они сместились ниже – в грудь. Покалывали и скребли.

И снова осень. Дождь сыплет. Всё почти как в тот раз. Разве что ночь на дворе. А может, оно и к лучшему.

«Определенно, к лучшему!» – воскликнул Давид, заметив одно горящее окно.

Долго Давид не признавался матери, что они снова вместе.

– Двадцать первый век на дворе, – шутила Фрося. – А ты материнского благословления ждешь.

– В её руках всё, что у нас есть, – оправдывался Давид. – И всё, что мы сможем заработать. Я там никто.

– Ты там всё, – спокойно говорила Фрося.

Признаться пришлось. Реакция Жанны Анатольевны не стала сюрпризом. Разводись, иначе уволю.

А тут и ковидные времена подоспели.

«Лучшего места для отсиживания не найти», – решил для себя Давид. Там тебе и природа. Воздух чистый, пусть и с некоторыми нотками деревенской жизни. Но главное – зараза туда точно не доберётся.

Собрался, прихватил свёрток и поехал.

– Ты тут сидишь в своей деревне, а мир почти умер, – шутливо сказал Давид. – Плескани мне дедовой, что ли. Осталась еще?

Фрося вопросительно посмотрела.

– Тогда давай чая, – легко считал он выражение. – Только чтоб с мёдом.

Он присел к печи. Тепло. Даже чуть жарко. «От воспоминаний, наверное, разморило», – подумал Давид. Сколько в жизни происходило всякого абсурда, но такого, как здесь, точно не было. Может быть, потому так приятно находиться в этом месте?

– А как же твоё всё? – спросила Фрося, ставя мёд. – Не боишься расстаться?

– С тем – нет! – резко ответил Давид. – С этим – да... – он обнял тонкое тело Фроси: – Она попросит моего возвращения, вот увидишь.

– Как знаешь.

– Я тут это... – скомкано начал Давид и развернул газету. – Экземпляр привёз. Давай почитаем. Вместе.